

Удасться ли сформировать европейскую идентичность, основанную на плюрализме ценностей культур и языков, чтобы после ограничить ее пространством, окруженным недоступными границами?

Идея существования границ противоречит принципу плюрализму идей. Было бы ошибкой определение единой идентичности, замкнутой в самой себе. Следовательно, Европа также находится в процессе становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Anderson Benedict*, Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism, London, 1983.
2. *Barth Fredrik*, Ethnic Groups and Boundaries. Oslo: Oslo University Press, 1969.
3. *Cristal David*, English as a global language, Cambridge University press, 2003.
4. *Fabietti Ugo*, Elementi di antropologia culturale, Milano: Mondadori università, 2004.
5. *Fabietti Ugo*, L'identità etnica, Roma: Carrocci, 2004.
6. *Fabietti Ugo*, Storia dell'Antropologia, Bologna: Zanichelli, 2001.
7. *Hobsbawm Eric J.*, Nazioni e nazionalismi dal 1780, Torino: Einaudi, 2002.
8. *Iannacaro Gabriele Matera Vincenzo*, La lingua come cultura, Novara: UTET De Agostini, 2009.
9. *Remotti Francesco*, Contro l'identità, Bari: Laterza, 2007.
10. *Renan Ernst*, Che cos'è una nazione, Roma: Donzelli, 1993.

УДК 81.42

Голованевский А.Л.
(Брянск, Российская Федерация)

ОБ ОППОЗИЦИЯХ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И СРЕДСТВАХ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Російський політичний дискурс – один з дискурсивних жанрів російської мови – сформувався в процесі ідеологічного протистояння, відбитого в газетно-журнальній публіцистиці і частково лексикографічній практиці. Російський політичний дискурс маркується ідеологічно-оцінною лексикою, яка представляє системно-структурну освіту із змінними під впливом екстралінгвістичних чинників ядром і периферією.

Ключові слова: дискурс, політичний дискурс, текст, ідеологія, опозиція, ідеологічно-оцінна лексика.

Русский политический дискурс (РПД) – один из дискурсивных жанров русского языка – сформировался в процессе идеологического противостояния, отраженного в газетно-журнальной публицистике и частично лексикографической практике. РПД маркируется идеологически-оценочной лексикой (ИОЛ). ИОЛ представляет системно-струк-

© Голованевский А.Л., 2012

турное образование с изменяющимися под влиянием экстралингвистических факторов ядром и периферией.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, текст, идеология, оппозиция, идеологически-оценочная лексика.

Russian political discourse (RPD) - one of the discursive genres of the Russian language - was created in the course of the ideological opposition reflected in newspaper-journal political journalism and partially in lexicographic practice. RPD is marked by ideologically evaluating vocabulary (IEV). IEV represents a systemic-structural formation with its nucleus and periphery changing under the influence of extralinguistic factors.

Key words: discourse, political discourse, text, ideology, opposition, ideologically evaluating vocabulary.

В широком понимании дискурс (многозначный, широкоупотребляемый термин) может быть отражен как «совокупность вербальных манифестаций, устных и письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи [1].

Под политическим дискурсом имеется в виду система текстов различных стилей, объединенных политической тематикой. Следовательно, политический дискурс, в нашем понимании, противопоставлен всем остальным дискурсам политической целеустановкой, которая в свою очередь обуславливает и определяет набор прагматических средств, используемых в тексте.

Мы исходим из того, что политический дискурс (в дальнейшем ПД) является разновидностью дискурса в его широком понимании, а точнее, одним из дискурсивных тематических жанров. Внутри этого жанра могут быть выделены речевые жанры, принятые, к примеру, в литературоведении, но объединенные политической тематикой. К таким речевым жанрам принадлежат, например, политический монолог, политический диалог, политическое эссе, политическое интервью, репортаж, рецензия-рассуждение, политическая инструкция по организации партийных ячеек, подпольных террористических групп, провокаций политического характера и т.п., активно использовавшихся в партийной литературе России XIX – начале XX веков (народовольнической, эсеровской, социал-демократической, черносотенной) и не менее активно используемые в наше время различными политическими и идеологическими группировками. Но при этом надо иметь в виду, что элементы этих жанров могут применяться и за их пределами, т.е. в речевых дискурсах внеполитической направленности, как своего рода реминисценции, и они также будут предметом нашего внимания.

Согласно широкому пониманию дискурса, основная задача наших наблюдений заключается в выявлении той совокупности вербальных манифестаций, которая выражает в полной или частичной мере конкретную идеологию. Ядерным языковым средством ее представления выступает идеологически-оценочная лексика (ИОЛ) русского языка, т.е. лексика, передающая свое значение с прагматическими компонентами той или иной идеологии. К такой лексике в любом языке относится прежде всего общественно-политическая лексика (ОПЛ), но, заметим, не вся, а лишь та, которая приобретала идеологическую оценочность. Сам процесс приобретения лексикой идеологической оценочности описан нами в ряде работ: [2: 25-31; 3: 35-42; 4; 5: 73-76]. Как видим, в современной лингвистике основное понимание дискурса сближается с понятием текста, но не со статическим, а с динамическим текстом.

Представляется, что направление, в котором понимается дискурс в этой статье, опирается на употребление термина, сближающее его со стилем в самом широком значении. Такое употребление свойственно французским структуралистам и постструктуралистам от М. Фуко до А. Греймаса и М. Пешё: отсюда – какой дискурс? и чей дискурс? (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика, плюс стоящая за ней идеология) [6]. Именно подобное понимание и употребление термина и породило такую номинацию как «русский политический дискурс» (РПД).

Основным признаком ПД является то, что некое содержание, актуальное с политической точки зрения, облекается в конкретную идеологию или в нем оценочно выражаются элементы этой идеологии. А так как идеология находится в постоянном противоборстве, ПД чаще всего выступает в качестве диалога, выраженного эксплицитно или имплицитно. Признается, что дискурс как таковой предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата. Это относится как к разговорному ПД, так и к его письменной форме. В данном случае под разговорным ПД понимается спонтанная, т.е. заранее не подготовленная речь, диалогическая реплика, а не публично произнесенный предварительно написанный текст, хотя в живом тексте возможны при его произнесении такие элементы дискурса (жесты, паузы, мимические фигуры, различного рода повторения или, наоборот, недоговоренности и т.п. «приращения»), которых лишен текст письменной в своем стандартном (не застенографированном) виде.

В науке о дискурсе, подчеркивают А. Кибрик и П. Паршин, выделяются две различные группы работ – те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения *он* и соотносит их с теми или иными объектами) [6]. Наша статья относится к первой группе работ, ибо при построении ПД и соответственно при его анализе определяющим является именно выбор лексического средства при назывании идеологических объектов (как увидим ниже, в основном он и характеризует соотносительность ПД с той или иной идеологией).

ПД является объектом междисциплинарного изучения. Он исследуется многочисленными науками и их ответвлениями, в их числе, помимо теоретической лингвистики, литературоведение, социология, этнология, философия, семиотика, политология. Поэтому следует наметить, в чем собственно заключается роль теоретической лингвистики в исследовании ПД, и чем она отличается от объекта его исследования другими науками. По-нашему, это проявляется в основном в том, что теоретическую лингвистику в ПД интересует прежде всего семантика и употребление слова (термина) в тексте как языковой единицы не менее чем высказывание (предложение, фрагмент текста, текст в целом), в которых семантика одного слова далеко не всегда имеет определяющее значение. Иными словами, ПД в лингвистике маркируется на лексемном уровне и от него переходит к маркировке события. Если говорить об особенностях структуры ПД, то можно предполагать, что микроструктура (предикация) в ПД может выступать как его макроструктура, которая как раз и будет являться собственно лингвистическим объектом исследования, в то время как для других наук, изучающих ПД, таким объектом может быть макроструктура с входящей в ее состав микроструктурой.

Здесь мы только наметили некоторые теоретические положения исследования ПД как разновидности дискурса. В дальнейшем мы постараемся показать, как от анализа

текстов политического содержания можно перейти к анализу ПД, используя соответствующую дискурсивную терминологию. Но центральной нашей задачей остается не просто исследование на лингвистическом уровне ПД, а его лингвистический и философский анализ с целью выявления идеологических оппозиций, намечившихся в русском ПД с конца XVIII в. (А.Н. Радищев, Н.И. Новиков – монархический дискурс). С XIX века четко вырисовываются и противопоставляются, с одной стороны, западнический и славянофильский дискурсы на базе некогда единого монархического дискурса, с другой, - монархический и антимонархический дискурсы (декабристский, революционно-демократический, народнический, буржуазно-демократический, социал-демократический, большевистский).

РПД 30-80-х годов XX века характеризуется многими исследователями как тоталитарный - коммунистический (большевистский). Но и в этот период были своеобразные окна (начало правления Н.С. Хрущева, разоблачение культа личности И.В. Сталина), когда этот дискурс распался и в нем возникали элементы других дискурсов. А начиная с 90-х годов XX в., с появлением многопартийной политической системы, распадом СССР и всей социалистической системы прекратил существование и единый советский ПД. Но вот что характерно: существующие в современном ПД оппозиции совпадают в значительной мере с оппозициями российского ПД XIX века. Это априори ощущается многими учеными, политологами, писателями, философами, публицистами, но, представляется, еще никто не показал, как все это проявляется на лингвистическом уровне, хотя лингвисты и стараются зафиксировать произошедшие в нашей жизни и, конечно, в языке за последние десятилетия изменения в словарях различного типа. И здесь прежде всего надо отметить словари под редакцией Г.Н. Складневской, Л.П. Крысина [9].

Словари, как и фактические источники, являются материалом, в котором, по М. Бахтину, «отражаются» формы и типы речевого общения изучаемых тем.

Следовательно, словари, как и тексты, можно относить к разновидностям ПД. Но пока еще нет твердой уверенности в том, является ли словарь разновидностью текста. Для нас весьма ценным является следующее замечание: «Хотя тексты и словари представляются как бы противоположными источниками исследования – словарь дает изолированное слово, текст – слово в контексте, по сути дела словарь является как бы разновидностью текста не только потому что текст лежит в его основе, но и потому что в словарях обычно приводятся части текста..., (т.е. контексты)» [10: 21]. Как дискурсы можно оценивать статьи в толковых словарях, в том числе таких, которые составлены исключительно подбором дефиниций из различных словарно-справочных изданий, каждая группа которых отражает, по М. Бахтину, «формы и типы речевого общения», свойственные той или иной социально-идеологической группе со своей оценочностью [11: 78-87]. Наше понимание лексикографического дискурса как такового, а внутри него ПД, основывается и на таких его критериях, выделенных В.З. Демьянковым (чье определение дискурса в «Словаре англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста» (М., 1982). Ю.С. Степанов считал лучшим на момент написания статьи, в которой приводил такие критерии: произвольный фрагмент текста (однотипных текстов); часто, но не всегда концентрируется вокруг конкретного концепта; создание общего контекста, описывающего действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п. [12: 37].

За основу понимания дискурса В.З. Демьянковым, как и последователями, принимается текст и стилистическое наполнение текста. Действительно, словарная дефиниция является произвольным фрагментом текста, а название словарной статьи выступает в качестве концепта. В большинстве толковых словарей имеются так называемые «лексикографические излишества» различного характера, которые и создают общий контекст, описывающий действующие лица (понятия), объекты, времена и т.п. В лексикографическом дискурсе ПД представлен в словарных статьях – текстах, выявляющих семантическую специфику общественно-политических понятий. Сознвая, что дискурс вообще и ПД в особенности находятся на сравнительно раннем этапе исследования, мы пытаемся рассмотреть его с той стороны, с которой, по-нашему, он не рассматривался в работах теоретиков ПД, но отдельные элементы становились предметом серьезных наблюдений, рассуждений, выводов. Так, для нас вполне приемлем взгляд Ю.А. Сорокина на ПД как на разновидность идеологического дискурса. При этом «операционально-функциональной единицей идеологического дискурса является идеологема, а ПД – политкема» [13: 20-27]. Заметим только, что так называемая политкема может одновременно функционировать и в роли идеологема, и здесь не может быть четкого разграничения, но для нас главное в том, что единицей ПД может являться именно слово, в понимании М. Бахтина – идеологический предмет.

Вообще многие положения Бахтина, изложенные в работе «Марксизм и философия языка», опубликованной в 1930 г. под псевдонимом В.Н. Волошинов, остаются весьма актуальными именно при исследовании РПД. Назовем некоторые из них. 1. Каждая эпоха и каждая социальная группа имеет свой репертуар речевых форм жизненно идеологического общения. 2. Для того чтобы предмет, к какому бы роду действительности он ни принадлежал, вошел в социальный кругозор группы и вызвал знаковую идеологическую реакцию, необходимо, чтобы этот предмет был связан с существенными социально-экономическими предпосылками бытия данной группы. Только это может выйти в мир идеологии, оформиться и упорядочиться в нем, что приобрело общественную ценность. 3. Всякий живой идеологический знак двулик, как Янус. Эта внутренняя диалектичность знака раскрывается до конца только в эпоху социальных кризисов и революционных сдвигов [14: 25-27].

Эти положения Бахтина, высказанные в те годы, когда еще не был известен и термин дискурс, имеют самое непосредственное отношение к ПД в его современном понимании. 1. *Репертуар речевых форм жизненно идеологического общения* – это ядро ПД, представленное в основе одного из выше перечисленных жанров. 2. В каждую из названных эпох XIX – XXI вв. (предреволюционную, революционную, постреволюционную) существуют в составе речевых форм жизненно идеологического общения группы ключевых слов и специальные формы их выражения как семантически близких, так и противопоставленных по своей идеологической направленности. В процессе функционирования данных групп слов и форм выражения происходит отбор наиболее устойчивых элементов, регулярно повторяющихся и специализирующихся на выражении понятий, обозначающих социальную и идеологическую специфику переживаемой эпохи. 3. Двудликость идеологического знака проявляется в том, что он способен, в зависимости от социальных условий, изменять свою идеологическую оценочность и тем самым прагматическую направленность дискурса. Именно при их употреблении и оценке реализуются оппозиции ПД.

Фрагментарно наметим, как проявлялись оппозиции в ПД на примере употребления ключевых слов, характерных для каждого из оппозиционных лагерей в различные периоды истории русского литературного языка.

В первые десятилетия XIX в., с организацией тайных политических обществ, в ПД, выраженном на контекстуальном и речевом (опубликованном значительно позже) уровне, ключевыми словами можно считать *конституция*, *революция*, *бунт*, *мятеж*. В качестве оппозиционных лагерей выступают правительственный и революционный (А.Н. Радищев, декабристы). Как известно, идея конституционализма была одной из главных в идеологии декабризма, но употребление самого идеологического знака *конституция* было запрещено официально в печати. Следовательно, надо предполагать, что он мог использоваться декабристами и близкими им по убеждениям людьми только в речи. Для самого знака это был период номинации, т.е. он использовался на самом низком языковом уровне, и его понимание зависело как от мировоззрения говорящего, так и от его гуманитарного опыта. Современники декабристов вспоминали: «Во время восстания декабристов солдаты кричали: «Ура, Константин! Ура, конституция!» – думая, что так зовут супругу великого князя Константина Павловича» [15]. Следствием оппозиционности употребления идеологического знака явилась дискурсивная политическая ситуация, которую на диалогическом уровне можно представить так: Нет! – Да!

После отмены запрета на употребление слова в печати, оно довольно часто встречается в литературе разных направлений. Понимание этого значения, необходимость конституции для России становится предметом многочисленных дискуссий в печати. В этих условиях не все решались не только отстаивать идеи «мертворожденного дворянского конституционализма», но даже по различным причинам избегали употребления слова, на что впоследствии обратил внимание В.Г. Плеханов [16: 293]. С началом русской революции 1905 г. идеологический знак, вернее представление о его содержании, становится ареной борьбы различных противоборствующих идеологий, особенно в то время, когда России была дарована так называемая «конституция Витте». Теперь многоголосие диалога в ПД проявляется в такой оппозиционности: «куцая конституция» (царизм и поддержание его партии) – «полноправная конституция» (Конституционно-демократическая партия России и различные ответвления СДПР).

Революция. Слово это стало активно употреблять в различных европейских языках в конце XVIII в., во времена Великой французской революции 1789-1793 гг. Русский язык не знал такого слова, о чем с удовольствием писал А.С. Шишков: «Слава тебе, русский язык, что не имеешь ты равнозначущего сему слова. Да не будет тебе никогда оно известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно» [17]. Отсутствие слова-знака для обозначения той или иной реалии, существующей в обществе, компенсируется другими языковыми средствами, и оппозиционность ПД проявляется, во-первых, в выборе такового языкового знака, а во-вторых, в его семантико-прагматическом наполнении. В русском языке синонимами иноязычного заимствования *революция* выступали исконные *бунт*, *мятеж* и позже *переворот*. Декабристы на практике осознали: значение слов *бунт*, *мятеж* и *революция* в русском языке 20-х годов XIX в. разошлись. Декабрист Батеньков в своих показаниях в связи с этим уточнял: «Покушение 14 декабря не мятеж, как к стыду моему, именовал я его несколько раз, но первый в России опыт революции политической» [18: 185]. *Революция* и *переворот* как идеологические знаки в русском

языке находились в партитативных отношениях: революция предполагает наличие переворота на одном из уровней партийно-государственного правления, но не каждый переворот предполагает осуществление коренных изменений в политической и социальной системе в государстве, что является обязательным условием революции. Большинство словарей дореволюционного и советского периода или включали семантический компонент *переворот* в лексическое значение слова *революция*, или рассматривали их как разноязычные синонимические дублеты. Так, в «Словаре иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» Революция определяется как Переворот [19: 254]. Но то, что Переворот и Революция – идеологические знаки разного порядка, осознавали лидеры большевизма, которые захват власти в октябре 1917 г. вначале именовали как *переворот*, а впоследствии дали этим событиям название, в полной мере отражающее их сущность, - революция. И в русский официальный ПД на многие десятилетия вошла ключевая идеологема, относящаяся к его ядру – *Великая Октябрьская социалистическая революция*. Но известно, что противники большевизма все послеоктябрьские годы считают захват власти большевиками именно Переворотом, а не Революцией. Таким образом, внутри русского ПД существовали различные «репертуары речевых форм жизненно идеологического общения» с идеологическим ядром номинаций *Переворот* и *Революция*. Использование в официальном ПД одной из них и игнорирование другой прямо противоположно русскому эмигрантскому ПД, что также становится элементом оппозиции русского ПД в особых социальных условиях их существования.

Но оппозиции ПД проявляются и при употреблении различных значений ИОЛ. Использование значений одной лексемы с противоположной идеологической оценочностью способствует созданию двух различных по прагматике дискурсивных контекстов. Янусова двуликость идеологического знака определяет в каждом контексте, в котором используется один из его «ликков», специфическую прагматику, т.к. оценка, а следовательно, и оценочность, - А.Г., по замечанию Н.Д. Арутюновой, задает определенные параметры дискурса [20: 215]. К примеру, в ТСРЯ под ред. Г.Н. Складневской приводятся три значения слова Социализм: 1) с точки зрения теории марксизма; 2) с точки зрения теории свободного рынка и рыночной экономики; 3) с социал-демократической точки зрения и практического воплощения этой теории в Швеции [8: 937]. Марксистско-ленинское понимание идеологического знака Социализм противопоставлено второму и третьему значению по критерию: отсутствие свободы – наличие свободы. Социализм, в основе которого идея свободного рынка, противопоставлен шведскому Социализму по критерию: отсутствие социальной ориентированности – наличие социальной ориентированности.

Проблема оппозиций в русском политическом дискурсе по сути остается неизученной, и в этой статье обозначены лишь некоторые подходы к ее изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый социологический словарь (Collins. Т.1 (А-О): Пер. с англ. - М.: Вече, АСТ, 1999.
2. Голованевский А.Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900-1917 гг. (К проблеме идеолого-семантической типологии словарей дореволюционного периода) //Филологические науки. - 1986, 3.

3. Голованевский А.Л. Социальная и идеологическая дифференциация и оценочность общественно-политической лексики русского языка // Вопросы языкознания. - 1987, 4.
4. Голованевский А.Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX- начала XX вв. - Брянск, 1995.
5. Голованевский А.Л. Словарь оценочной лексики в системе словарей русского языка // Аванесовские чтения. Международная научная конференция 14-15 февраля 2002 г. - М.: МАКС Пресс.
6. А. Кибрик, П. Паршин. Дискурс. Электронная энциклопедия Бига. http://www.encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/DISKURS.html
7. Складаревская Г.Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. - М.: АСТ, 2005.
8. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. - М.: Эксмо, 2008.
9. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. - М.: ЭКСМО, 2006.
10. Бородин М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. - Л., 1979.
11. Голованевский А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка) // Филологические науки. - 2002, 3.
12. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. - М., 1995.
13. Сорокин Ю.А. Политический дискурс в России. Хрестоматия. 1996-2006. – М., 2007.
14. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. - 1930.
15. Чуженин И. Исторические слова России. - М., 1909.
16. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 т. - М., ГИПЛ, 1956-1958: Т.1.
17. Цитирую: Мейлах Б. Только революционная голова // Литературная газета. 14 февраля 1979.
18. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 томах. Т.1. - М., ГИПЛ, 1951.
19. Смирнов Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. Сб. ОРЯС ИАН. - Спб., 1910. Т.88. - № 2.
20. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. - М., 1999.